

Н. Дикина В. Бронников

18+

Перевёрнутое небо

Валерий Викторович Бронников

Наталья Валерьевна Дикина

Перевернутое небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63454427

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть «Перевернутое небо» Натальи Дикиной и Валерия Бронникова написана в 2019г. Авторы имеют и другие совместные работы. Повесть написана в приключенческом жанре. События разворачиваются в мирной жизни, в обыденной обстановке путешествия на воздушном транспорте. В пути самолёт вынужденно приземляется на лёд озера в безлюдной местности, где экипаж и пассажиры становятся одной большой семьёй и совместно преодолевают все невзгоды. В книге отражаются взаимоотношения людей, их характеры, взгляды на жизнь и, в конечном итоге, их судьбы. События происходят на фоне живописной и суровой северной природы. Роман рассчитан на взрослого читателя. С уважением к читателям: Наталья Дикина и Валерий Бронников.

Содержание

Об авторах	4
Перевернутое небо.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Бронников, Наталья Дикина Перевернутое небо

Об авторах

Валерий Викторович Бронников родился первого апреля 1949 года – путешественник, исследователь, самодеятельный поэт и писатель, рыбак и охотник, инженер-механик по эксплуатации самолётов и двигателей, с рождения жил в Арктике и районах, приравненных к ней, из семьи коренных поморов.

Он много ездил по Северу на разных видах транспорта, в том числе на собаках, оленях, лошадях и современном транспорте; исходил пешком не одну тысячу километров. Работал по специальности более пятидесяти лет, что позволило в течение многих лет летать над бескрайними просторами тундры и лесотундры. Дважды ходил на дюралюминиевой лодке под подвесным мотором из Лешуконского на полуостров Канин; путешествовал по морским просторам и на других судах, в том числе и под парусом; управлял самостоятельно маломерным судном на море с четвёртого

класса школы.

Наталья Валерьевна Дикина, дочь Валерия Бронникова, родилась в Архангельске 26 июня 1971 года, где проживает по настоящее время. Много жила на побережье Белого моря на родине предков, хорошо знает законы моря, попадала в шторм на обыкновенной деревянной лодке. Она любит путешествовать и рыбачить в любое время года; пишет картины, а в последнее время и книги.

Авторы являются членами творческого объединения «Вашика».

Перевернутое небо.

Маленький деревянный аэровокзал местных авиалиний с надстроенными причудами неизвестного архитектора возвышался над остальным, серым в это время года, ландшафтом. Высокие мачты и причудливо развешенные антенны придавали ему вполне авиационный вид. Дополнял картину длинный полосатый конус-указатель, указывающий направление ветра, прикрепленный к отдельной мачте и висевший сегодня безвольно, как обыкновенная полосатая тряпка, свисающая книзу.

Этот домик ежедневно жил своей однообразной жизнью, впитывая в себя отлетающих пассажиров и выталкивая из своих дверей прилетевших. Один раз в час к автобусной остановке возле дверей аэровокзала подъезжал неповоротливый жёлтый ЛиАЗ, выпуская своих утомившихся поездкой пассажиров с тюками, котомками, мешками, кузовами и баулами перед дверями аэровокзала. Местные люди спешили в недалёкий перелёт на малую родину, а другие пассажиры терпели неудобства воздушного путешествия, чтобы выполнить появившиеся дела в пункте своего временного назначения и вернуться затем обратно.

Аэровокзал постройки пятидесятих годов двадцатого века существовал, не радуя комфортом, но и не обижая своих

гостей. Здесь имелось всё, что предусматривают многочисленные инструкции: комната матери и ребёнка; работающий по непонятному расписанию медпункт, помеченный табличкой с красным крестом; с устоявшимися запахами туалет «прямого падения»; холодный зал ожидания с обшарпанными деревянными креслами, по создающемуся впечатлению заимствованными из кинотеатра середины века; множество разных табличек, в том числе и табличкой с расписанием вылета самолетов, написанной почему-то от руки; касса с привлекательной, полной, но хамоватой, кассиршей, отвечающей всем подходившим к кассовому окошку клиентам: «Билетов нет!», а чаще, встречающей всех табличкой «Ушла на обед», причём, длительность и время обеда не регламентировались никакими нормами, но окошко обязательно открывалось перед вылетом какого-либо самолёта. Часы работы кассы на табличке имелись, но по какому-то неизвестному когда-то и кем-то заведённому правилу расписание работы кассы устанавливала эта полновластная хозяйка, которая могла перед лицом очередного клиента задёрнуть шторы маленького окошечка на неопределённое время без каких-либо объяснений.

Здесь всё выглядело так же однообразно, как и по всей великой стране, называемой Советский Союз: везде, в малых городах и сёлах, одинаково некомфортно, но вполне жить можно, а улететь, если сильно захотеть, тоже можно, за свои же деньги протолкавшись в утомительном ожидании долгие

часы.

Самая главная достопримечательность и любимое местом пассажиров – буфет с обшарпанными круглыми столиками на высокой ножке, которые позволяли сэкономить на стульях, но, на которых всегда имелись разводы от некачественной влажной уборки, а зачастую стояла неубранная посуда с остатками пищи от освободивших стол пассажиров.

Основная масса ожидающих своего вылета пассажиров кучковалась в непринуждённой беседе в этом простом, но располагающем к разговору, месте, где к столу подавали свежее пиво и временами можно было разжиться заветными «сто грамм» по ресторанной цене, а хлеб всегда имелся в тарелке на столе, нарезанный аккуратными ломтиками, на которые любили садиться местные жирные прикормленные мухи. А ещё на столе имелись горчица, солонка без соли и перчица без перца.

Стоял конец октября. На улице обычная погода для этого времени года. Она хоть и скверная, но позволяла маленьким трудягам Ан-2 и Як-12 выполнять свою монотонную работу: возить самых обычных, по-своему разных, деревенских жителей в их насиженные, до боли родные, места. У кого-то из пассажиров направление в больницу; кто-то едет навестить родственников, внуков; кто-то просто решил забраться в забытую богом деревню поностальгировать и вспомнить своё былое детство. А закоренелые таежные охотники и рыболовы летали в город очень часто добывать продукты пита-

ния, сбывать выловленную рыбу и добытые охотничьи трофеи, стараясь не вступать в контакт с лишними посредниками и услужливыми пройдохами, наживающимися на их труде, опасаясь вездесущего БХСС, стремящегося тоже урвать своё, но в основном в пользу государства.

В открывшиеся двери пахнущего соляровкой автобуса выходили одетые чуть ли не по-зимнему люди. Они выносили свои рюкзаки, кузова, тюки, помогая друг другу. Со стороны казалось, что вся поклажа общая, одной большой семьи, вывалившейся неожиданно из автобуса и спешащей попасть на свой рейс.

Среди этой суетящейся толпы выделялся один, с виду смешной и по характеру юморной, дед. Он поставил свои пожитки на застывший от осеннего холода асфальт и стал помогать пассажирам вылезать из автобуса, подбадривая своими деревенскими шутивными словечками.

– Давай, милая, – с улыбкой покрикивал дед, доставая бабулю с рюкзаком, размером больше её самой, – Давай, красавица! Шевели красивыми булками..., чай ишэ совсем не засохли. Даже я, древний красавец, энто заметил.

Бабка, довольная комплиментом, смотрела на дверной проём аэровокзала, думая, как бы ей подольше попользоваться таким весёлым бесплатным носильщиком, поддерживающим её за неприличное место. Она делала вид, что этого не замечает и на всякий случай подтвердила:

– Я заметила – красавец!

– Следующая! – неугомонный дед, смеясь, подхватывал очередную «девушку» и лихо перекидывал все её нехитрые пожитки.

«Девушки» улыбались в восторге! Таких кавалеров они со времён революции практически не встречали. Поджарый дед, слегка небритый, весёлый, седой, с юмором, да еще и «девушкой» называет... Не мужик, а мечта!

Мужик-мечта помог с шутками-прибаутками всем «девчонкам» занести их непомерную поклажу в здание аэровокзала, получил свою долю женской благодарности и направился в середину зала ожидания.

– Африка! – услышал он громкий знакомый голос, – Мы здесь.

Дед оглянулся на окрик и узнал своих деревенских попутчиков. Они в ожидании рейса расположились в уютном углу, рядом с буфетом.

– Приветствую, всех, – улыбнулся дед и, осмотревшись, произнёс:

– И Алёна здесь... Значит, рейс будет интересным.

– Да, ладно, тебе, Африка, что ты всё про меня-то, – возмутилась молодая полная дама, – Тут погоды нет – вот это интересно, – и пошла в атаку, добавив:

– В кредит отпускать не буду без наценки. С тебя и так триста рублей, твой долг... У меня память хорошая, цепкая, особенно на таких благородных кавалеров, стремящихся занять у красивой женщины в долг, а не наоборот. На меня

смотришь, а сам тайком всех автобусных красавиц перещупал!

Красивая дородная женщина Алёна – продавец, она же директор, она же единственный снабженец единственного деревенского магазина. Алёна прекрасная русская поморская женщина, про которых пишут поэты словами: «Коня на скаку остановит...». На самом деле она только с виду бойкая и самостоятельная. Жизнь подставила Алёне подножку в юности, оставив в одиночестве в незнакомом посёлке. Только она сама знает, как ей пришлось несладко выживать без помощи родственников. Хорошо нашлись добрые люди: помогли, поддержали и словом, и делом. Жить впоследствии она осталась в своём деревянном, доставшемся от колхоза, домишке среди этих добрых людей.

– Африка, проходи к нам, здравствуй ещё раз, дорогой!

Маленькая, но очень красивая, женщина пододвинула свои рюкзаки:

– Пока на час только отложили, говорят, туман.

– Здравствуйте всем! – дед поднял ладони, приветствуя односельчан, затем продолжил, усаживаясь на свободное кресло:

– Ух ты, сегодня богато с пассажирами! Только с погодой-то вот не богато. Думаю, весь день просидим. Я-то што, мне сподручно, коль вокруг меня расположились красивые женщины, как на подиуме. А тем, кто торопится, как? Пешим не побежишь!

Кто-то бросил реплику:

– Пусть торопятся те, у кого в животе урчит! Неровён час и добежать не успеют!

Сидящий народ рассмеялся.

Дед обратился к Алёне:

– А у тебя припасов на нас хватит? Из-за тумана придётся сутки тут сидеть, а, может, трое, когда он окаянный разойдётся? Ты, Алёна, часом в городе не нагрешила?

Алёна, повидавшая на своём веку местных попрошаек, незамедлительно парировала:

– Всем хватит, но по деревенским ценам. Готова, хоть сейчас тебе продать, только не в долг. Тебе польза, а мне тащить меньше.

– Да успокойся, Алёна, у Африки правнук родился, – спокойно произнесла сидевшая на крайнем кресле женщина, тётя Люся, – Он всей деревне проставиться должен, за правнука он заплатит. А если у него валюты не хватит, мы добавим. Все-таки дед Африка легенда нашей деревни! Не переживай за свой государственный кошелёк.

– Я не переживаю, – обиделась почему-то Алёна.

Она тут же подпрыгнула и всей своей необъятной фигурой накрыла легендарного, но шуплого деда:

– Африка, прости, я ведь не знала... Поздравляю тебя!

Дед мычал и, кряхтя, боролся с навалившимся на него внезапно счастьем, пытаясь вырваться из объятий продавщицы, а она всем своим весом искренне радовалась, что та-

ким образом извинилась перед дедом, обливаясь слезами и мусоля скоротечными мокрыми поцелуями щетину на его лице.

Бог Алёне детей не дал, да и родителей вскоре отнял. Она выросла в деревне, в большой семье своей тётки, а мать её умерла при родах.

Ныне большая и очень сентиментальная Алёна, которая могла по своей доброте дать в глаз любому мужику, радовалась за односельчанина, «родившего» правнука. Она села возле деда и лила для порядка, катившиеся самопроизвольно из глаз слёзы.

– Эх, какая большая компания собралась! – освободившись от слёзных объятий Алёны, произнёс дед, – Давно меня так не целовали! Привет, Люся, Светланка! – дед обнял маленькую, средних лет, женщину и поцеловал девчушку, а затем сказал Люсе:

– Ишь, как меня Алёна обняла, даже я, старый пень, помолодел лет на пятьдесят!

Тетя Люся обычная, простая, скромная, деревенская женщина ездила в город за внучкой Светланкой шести лет, озорной и любознательной, очень выносливой и умной девочкой. Девочка очень хотела жить у бабушки и сейчас её мечта начала сбываться.

– Здравствуйте, дедушка Африка! – Светланка обхватила своими ручонками шершавую ладонь старика, – А ты мне обещал про лося рассказать, еще весной, помнишь? – она

посмотрела на деда широко раскрытыми детскими глазами.

– Будет тебе про лося, – улыбнулся Африка своей щетиной, – Сегодня, думаю, часа четыре просидим, так что эта сказка твоя будет.

– Я очень жду, – улыбнулась Светланка и закуталась в бабушкин пуховый платок, скорее для того, чтобы похвастаться своим платком, а не для тепла, которого внутри вокзала имелось с избытком.

– Ой-ёй..., смотрите! – тётя Люся показала на вход вокзала, – Неужто Ромка?

Вся компания, как по команде, повернула головы в одну сторону. Там, в той стороне, куда показывала Люся, не отличаясь от других пассажиров, с простым маленьким рюкзачком, шёл, оглядываясь по сторонам, молодой человек. Он был одет в казавшиеся короткими для него брюки, маленькую болоньевую куртку и кирзовые башмаки. Парень оглядывался по сторонам. Со стороны казалось, что он что-то потерял. Ромка подошёл к кассе, пообщался с кассиршей и через пару минут спокойно занял свободное место в зале ожидания.

– Ромка! – крикнула тётя Люся, – Иди к нам!

Парень оглянулся. Услышав своё имя и улыбаясь, он направился в компанию, образовавшуюся в углу аэровокзала.

Совсем молодой тридцатилетний парень Рома Кланин, попавший ещё пацаном по глупости в тюрьму за воров-

ство, отсидел свой срок и возвращался к матери в деревню. Её единственный сын, так неудачно начавший свою молодую карьеру, сейчас оказался среди пассажиров, ожидающих свои рейсы. Его мать работает в деревне на местной пекарне, совсем одинокая, если не считать оболтуса-сына. Ромка очень любит свою мать, раскаивается о содеянном, и теперь держит путь домой в свою деревню, чтобы замаливать свои молодые грехи и хоть как-то трудом искупить свою вину перед матерью.

– А я смотрю, ты это или не ты, на тебя похож, но какой-то взрослый, – Люся, не замечая нескладность своей речи, продолжала осматривать Ромку.

– Я это, тётя Люся, я, а Вы совсем не изменились, даже как-то помолодели.

Люся, польщённая такой похвалой, засуетилась, смущённо поглядывая на своих односельчан. Давно она не слышала комплиментов в свой адрес, всем своим существом при маленьком росте, сознавая, что её годы безвозвратно уходят. Она сказала:

– Садись, Рома, с нами, места всем хватит.

– Спасибо, я уже отсидел!

Люся ещё больше смутилась, понимая, что как-то непроизвольно затронула болезную тему.

– Я наверно не так сказала. Я, Рома, только пригласила тебя к нам, веселее будет, да и спокойнее, когда все свои.

– Я, тётя Люся, не обидчивый, а сказали Вы правильно.

Дома давно не был, вас всех увидел и как будто очутился дома, – сказал Роман.

– Приглашаю, Роман, к столу, – пригласил его Африка, разворачивая газетный свёрток, – Ты наверняка голоден, а у меня бутерброды, дочка моя беспокоится, чтобы я случайно не истощал, а рейс пока откладывают.

Африка продолжал аккуратно разворачивать старую газету, всматриваясь в неё, как будто увидел бумажную газету впервые.

– Бери, – он протянул Ромке бутерброд с колбасой, – И вы берите, – кивнул он на бутерброды другим пассажирам, но кроме Ромки никто угощаться не стал.

Дед, откусывая бутерброд, стал рассматривать увиденную случайно статью. «Уникальный алмаз» – так называлась статья. Его небритое лицо вытянулось, рот с шевелящимися беззвучно губами, слегка приоткрылся. Взгляд сосредоточился на том, что имелось внутри привлёкшей его внимание статьи.

Африкой его прозвали деревенские, зубастые на язык, женщины, от внимания которых ничего не ускользает. Кто-то из них и подметил, что дед, которого на самом деле зовут Кузнецов Алексей Аркадьевич, никогда не носит рукавиц: ни просто в холодную погоду, ни лютой зимой. Как-то и сказала ему соседка Параниха при свидетелях:

– Тебе, Аркадьевич, даже зимой жарко, как в Африке!

Он не помнил, что в тот раз ответил, но хорошо запомнил,

что с тех пор стал Африкой.

В Африке он никогда не был и смутно представлял африканскую жизнь и всё, что с этим материком связано. На лошади туда ехать или на чём другом, он не знал. Да и откуда ему знать такие премудрости, если кроме своей деревни он нигде далеко не был! Всё, что он знал про Африку, это то, что там имеется огромная пустыня Сахара. Он в своё время по мобилизации попал на войну, но война не в счёт. На войне Африка воевал, а не разглядывал окрестности и не изучал названия материков. Попав в партизанский отряд ещё в финскую войну, кроме бесконечных лесов, озёр и каменных нагромождений, он ничего не видел. Определять местонахождение отряда, распорядок дня и давать задания, имелись командиры и строгие политруки, а он, тогда еще относительно молодой, выполнял приказы и уничтожал противника. А ещё приходилось выживать в любых условиях подчас без пищи, воды и медикаментов.

Выживать Африка умел, как никто другой, а знать все материки и океаны как-то не получилось. Имел он и ещё одну особенность: разбирался в политике. В какой степени дед этим владел, могли оценить только деревенские слушатели, которые в политике не разбирались совсем. Африка знал членов политбюро, главную цель партии коммунистов и правительства, а уж о построении коммунизма он мог рассуждать часами. Про это его хобби односельчане знали, но, посмеявшись, тут же про его способности забывали, с голо-

вой окунаясь после случайных дебатов в хозяйственные заботы. Тем не менее Африка всегда находил внимательных слушателей, особенно, если это случалось под настроение и под хорошую стопку.

Сейчас, увидев старую заметку в газете, он от безделья решил её изучить, поскольку рейс откладывали, а заняться чем-либо надо обязательно, чтобы скрасить хоть так время своего пребывания в аэровокзале. Ромку, который жевал бутерброд, он на разговоры пока не отвлекал.

В заметке автор повествовал о найденном уникальном алмазе, затмившем собой многие прежние находки эпохи Екатерины Великой. Этот камень весом в двести тридцать карат оказался очень редким экземпляром, выделявшемся от остальных подобных камней редкой окраской. Он выглядел наполовину голубым, а наполовину прозрачным, причём голубой цвет всегда находился в верхней части камня, независимо от того, как его повернули, под каким углом к наблюдателю. Автор статьи описывал многие гипотезы происхождения этого камня, но ничего конкретного он не сообщал, сетуя на то, что сведения имеются только разрозненные, а выросшие в настоящее время поколения людей камень никогда не видели. Он исчез бесследно то ли во время Великой Отечественной войны, то ли вскоре после неё. Откуда он исчез и где всё это время находился, в статье ничего не сообщалось. Получалось так, что автор заинтересовал читателей, но не сказал им абсолютно ничего конкретного, предоставив

возможность самим всё домысливать и предполагать.

Эти сенсационные сведения журналист Семён Виталов почерпнул, как он сам выражается, из архивных документов, но ссылок на документы в своей статье никаких не привёл, где эти документы находятся, также не сообщил. Можно подумать, что это самая обыкновенная «утка», чтобы привлечь читателя к тиражу газеты.

– Едри его вошь! – воскликнул Африка, дочитав статью, – Что на белом свете делается! Пишут про алмаз, которого никто не видел. Сам журналюга его тоже не видел, но про него пишет. Написать и я могу, даже лучше, но ты покажи мне энтот алмаз, а если показать не можешь, зачем писать? У меня в Белом море много чё есть, но я ведь статьи не пишу! – Африка махнул рукой, – Оно на дне, никто не видит, а ежели кто и видит, молчит. Вот коммунизм построим, тогда и добудем всё на поверхность, чтобы все видели и пользовались.

– Что ты там на дне видел? – перестав жевать, перебил его Ромка.

– Много чё видел, но помалкиваю, не для посторонних это ушей, а за разглашение природной тайны и Бог может наказать, – сказал Африка и действительно замолк.

Пауза не успела наступить, к их закутку подошли тётя Кузя и два парня, в которых односельчане едва признали своих бывших жителей. Володька и Валерка, ныне городские жители, заметно подросшие и возмужавшие. Они собрались в свои родные края на рыбалку. Молодые парни пребывали в

том возрасте, когда в голове, как говорят, гуляет ветер. Молодые ребята строят большие планы, мечтают о путешествиях, о небывалом денежном счастье или вот, как сейчас, мечтают наловить много рыбы. Уж они-то знают все деревенские рыбные заветные места! С этой целью они и направились не куда-нибудь, а именно на родину, где, как они считают, самые богатые рыбные места, хотя испокон веков в радиусе пятидесяти километров вокруг деревни никто и никогда много рыбы не наловил.

Имелись, конечно, в округе и озёра, и речушки, и даже рыба, но разве без труда, с наскоку, что-нибудь выловишь?

Тётя Кузя, Кузякина Полина Кузьмовна, председатель местного колхоза «Имени двадцать второго съезда КПСС», маленькая властная женщина, около двадцати пяти лет от роду, спокойно справляется с бешеным колхозным быком, а по сему односельчане её боятся и уважают. Муж Кузякин Кузьма Кузьмич погиб в море при шторме, добывая рыбу для колхоза. Теперь она вдова и сама заправляет всем хозяйством за себя и за мужа. Тётя Кузя никогда не жалуется и не сетует на свою тяжёлую жизнь, а, наоборот, всегда стремится подбодрить и поддержать своих односельчан, внезапно попавших в чёрную жизненную полосу.

Зашедший в вокзал вместе с тётей Кузей и парнями человек в камуфляже сел несколько отдельно, в сторонке.

Через некоторое время, когда по громкой связи объявили очередной перенос рейса, большая компания мужчин подня-

лась со своих мест и направилась в буфет, женщины вынужденно потянулись следом. Обед диктор аэровокзала в своём объявлении не отменил, а задержка рейса вынуждала позаботиться об этом самим пассажирам, поэтому все одновременно подумали об одном и том же. Бутерброды бутербродами, а настоящий обед с тарелкой горячего супа в приличном заведении никто не отменял!

В буфете мужики заняли два соседних высоких столика, а женщины пристроились за другими столами, понимая, что мужчины без выпивки никак не обойдутся и начнут свои застольные разговоры, отвлекая, в свою очередь, женщин от самых главных разговоров про то, «кто кому чего сказал». Женщинам очень хотелось услышать друг от друга «новости», которые они все знали наизусть.

– А Вы к нам в Сорожье? – спросил дед Африка мужчину в камуфляже, пристроившегося в их компанию.

– Я услышал в разговорах, что вы летите в Сорожье, к вам и пристроился. Я ведь тамошний, местный, только из Ленивого, хочу навестить родные края. В общем-то я и родственников своих не знаю, и вообще никого, меня увезли оттуда трёх месяцев от роду, но наш старый дом должен ещё стоять, сто лет не прошло, правда, жителей в деревне вроде уже нет.

– Никого нет, – подтвердил Африка, – Кто умер, а кто уехал. Деревня в сорока километрах, стоит сиротинкой сама по себе. Создавали многие поселения до войны и в войну, размещая на заработки ссыльных и раскулаченных, а больше

не на заработки, а для работы за бесценок на государство. А ты чей будешь-то?

– Я Сахаров, может, слышали...

– У нас Сахаровых полно, всё побережье има усеяно. Преобладают одни и те же фамилии, поскольку другие, приезжие, фамилии в наших краях редкость. Ежели ты Сахаров, значит, наш, – категорично сказал Африка, – Не можешь быть не нашим. Мы своих никому не отдаём. Как сказано у коммунистов: человек человеку друг и товарищ, и даже брат! А человек со знакомой фамилией вообще близкий родственник – так трактует наука философия.

– Конечно, ваш, – согласился мужчина, успев выпить вместе со всеми стопку, точнее, то, что оказалось на дне гранёного стакана.

Молодые парни, пока двое из компании разговаривали, успели быстро организовать всё для начала разговора.

Выпив «на вторую ногу», мужчина сказал:

– Я правнук деда Сергея, который построил наш родовой дом, а звать меня Василий. Свою малую родину я обязан помнить и чтить. Тебя не знаю и никого не знаю, а родину свою знаю и помню...

– Правнук, так правнук, едри его вошь, документы у тебя никто проверять не будет, а, может, и будут, но только при посадке в самолёт. Я – Алексей Аркадьевич, а все зовут меня Африка. Вот мы и познакомились без всяких документов. Я бы их совсем отменил, но коммунизм мы ишо не построи-

ли, стрёмно будет без документов. А вдруг какая свадьба или ише хуже, развод, как без документов? Контора нам без документов не верит. Неси, грит, бумажки и всё тут! Даже наш колхозный бык имеет документ, табличку ему пригвоздили «Бык Муська».

– Почему Муська?

– А кто его знат! Вроде, дети так обозвали в детстве. Муська и Муська, нам како дело? А ты што, в Ленивое пешком пойдёшь? Все сорок километров?

– Собираюсь сходить, как-никак я законный наследник, ни на что не претендую, но облагородить дом маленько смогу, силы есть. Вряд ли кто придёт туда и что-то сделает, а есть ли поблизости ближайшие родственники, я не знаю. Может и есть, но где их теперь откопать?! Я сам не очень стремился к своей родне, тянуло к странствиям, а теперь вот наверно возраст сказывается, тянет на оседлость, к своему дому, к своим местам.

– Я пока тоже не ослаб, сам управляюсь. Вишь, у ребят свои разговоры, а мы вот тут с тобой. Я бы им политинформацию прочитал, совсем бестолковые. Нонешни дети растут какие-то неумехи, ничё не могут! И эти, – Африка кивнул на рыбаков, – Оболтусы, сил много, а ума не набралось, а, может, и того хуже, с рождения отсутствовал. Чего рюкзак с собой носишь? Оставил бы вместе с нашими вещами, здесь никто ничего не унесёт, все пассажиры деревенские жители. У нас испокон веков ничё не запирается.

– Привычка! В армии научился – все вещи всегда с собой, так солдат учат, чтоб не расслаблялись.

– Хорошо учат, – сделал своё заключение Африка, – У солдата всегда должен быть порядок не только в вещах, но и в голове, в мозгах. Ну, тогда носи свой рюкзак, – смиловился Африка, – А по мне так и чемодан можешь на голову положить, кажен человек волен поступать, как Бог его учит. У нас, у поморов, у каждого свой Бог, он и распоряжается судьбой. В море надеешься только на себя, там надеяться больше не на кого. Бывает, прижмёт штормом так, что и помолиться некогда; кроме как обычной привычной работы, в голове ничего нет, да и некогда думать о смерти али ише о чём. Будешь о постороннем думать – пойдёшь на дно кормить рыб!

– А Вы ходили в море?

– Я у моря вырос, здесь живу, здесь и помру. Море нас, поморов, кормит. Никто не знает, в море я больше находил-ся али на земле. В шторм теряется, едри его вошь, счёт времени, идёт борьба за выживание: то ли ты море одолеешь, то ли оно тебя, но ежели голова есть, можно всё преодолеть и осилить. Море живёт по своим законам, каждый помор обя-зан их знать, иначе никак нельзя, иначе дело будет труба...

Сейчас Алексей Аркадьевич после выпитой стопки разгово-рился, покрылся румянцем и, казалось, в эту минуту он тоже не замечает счёт времени.

– Даже в шторм? – спросил Василий

– А что шторм? Человек новой раз идёт по земле, споткнётся и распластается, ежели голова не на месте. А в шторм должна работать не только голова, но и весь организм. Всё должно быть единым целым, тогда никакой шторм не страшен.

– А вы тут неплохо в сторонке пристроились! – отделился от соседнего столика Ромка и подошёл к ним.

– А нам и тут весело, – ответил Африка, – Вы молодые, у вас свои разговоры, а у нас свои, и вдруг неожиданно спросил:

– Видел, как Алёнка на тебя смотрит?

Ромка от такого вопроса опешил:

– Это которая? Я пока ещё ничего не видел. У меня одно желание – поскорее попасть домой! Женщин у нас там не было – это точно, но не на ходу же на них смотреть!

– Вот-вот, все беды у вас молодых от того, что вы ничего не замечаете. Если бы на меня так смотрели, разве остался бы я стоять столбом? Враз бы помолодел лет на сто! А на женщин я смотрю даже во сне – верх совершенства и красоты. Художники их запечатлевали на картинах, в литературных произведениях.

– Это толстая что ли? – перебил, не унимаясь, Ромка.

– Она не толстая, она красивая, Джоконда! – многозначительно поднял палец кверху Африка, – Настоящая дева из будущего коммунизма! С неё портреты писать можно али из глины лепить мумию. Нет у нас в деревне поэтов, иначе бы

про неё стихи сочиняли, али песни.

– Кто такая Джоконда, я не знаю, а вообще я парень холостой и свободный. Если она смотрит – пусть смотрит, до дыр не проглядит! Я жениться не собираюсь, тем более, на такой старой, как твоя Алёна.

– Сам ты старый! – обиделся и повысил голос Африка, – Она тебе ровня. Вот оденется на праздник, будешь тогда страдать да может уже поздно оказаться. Я старый, а старые никогда не ошибаются. Хотя, впрочем, дело твоё, может, ты и впрямь с дырявой башкой родился и ничё не видишь, едри его вошь! – дед Африка даже рассердился, – Если женщин не видишь, значит, в жизни ты вообще ничего не видишь! Пустой для коммунизма человек, трутень!

– Чего это у меня башка дырявая, скажете тоже! – Ромка обиделся и отошёл обратно к другому столу.

Всё время, пока Африка отчитывал Ромку, Василий молчал. Он считал не вправе вмешиваться в разговор людей, которые земляками ему являлись только теоретически и которые его никогда раньше не видели.

– Я Ленивое ваше хорошо знаю, приходилось бывать и там, рыбачить в Гослове в бригаде. Послевоенные годы были трудные, голодные, но всё, что мы добывали, уходило государству, нам редко чего перепало. Вот море-то я хорошо и изучил. Старики не давали расслабляться, учили уму-разуму по-своему, на практике, – Африка вдруг умолк и неожиданно спросил:

– А мы не просидим тут? Объявят рейс, а нас нет.

– Никуда не денемся, – ответил Василий, – Все знают, что мы тут, но наверно пора места освобождать, другие тоже хотят есть-пить.

Пассажиры сорожьего рейса потянулись чередой в пассажирский зал обратно на деревянные стулья. Рейс опять перенесли на тридцать минут.

– Почему бы не перенести на пару часов, чтобы пассажиры не страдали-не мучались? – горестно сказала тётя Кузя больше себе самой, чем окружающим.

– А што им, – отозвался Африка, – Они дома, никуда не спешат, где ли чай пьют али в карты режутся. Пилоты, поди, семь раз пообедали. Им ГВФ форму выдал, самолёты выдал, бензину тоже нальёт, а они не летят! Кака-то кадушка получается: людей маринуют, как грибы, едри их вошь! Почему-то мы в шторм в море ходим, а они не летят. Привилегии им каки-то! А, с другой стороны, самолёт – это не телега хромая, по дороге хомут не затянешь и оглоблю не поменяшь! Эта этажерка летит по воздуху и крыльями машет, как птица. Мудрёно всё это...

В дискуссию больше никто не вступил. Люди, разморённые бездельем, созерцали то часы, то лениво передвигающихся по залу пассажиров, то открывающиеся иногда двери в накопитель, даже все объявления и инструкции на стенах прочитали.

В это тоскливое время безделья и объявили вдруг посад-

ку.

– Полчаса-то ещё не прошло! – воскликнул Володька, глядя на вокзальные часы.

Пассажиры сорожьего рейса засуетились, заталкивая в разворошённые вещи вынутые газеты, мелкие безделушки, заспешили к дверям накопителя, которые пока оставались закрытыми и внутрь никого не пропускали.

– Пока стоим, полчаса и пройдёт, – пробурчал Африка.

– Мы скоро полетим? – громко спросила Светланка, конкретно ни к кому не обращаясь.

– Теперь полетим, – ответил ей Африка, – У тебя самый почтенный возраст, поэтому тебе предоставят самое почётное место и пропустят вперёд.

– А я хочу у окна.

– Окно тебе будет, а ещё тебе дадут большой бумажный пакет.

– Зачем? Он мне не нужен.

– Нужен-нужен, потом сама поймёшь, что нужен. Садись рядом с тёткой, она за тобой присмотрит.

В самолёт загружались долго, а до этого долго накапливались в накопителе, хотя особо и накапливать-то было некого. Число мест в самолёте больше числа пассажиров, но оказалось, что все лишние свободные места заняты почтовыми отправлениями. Для пассажирских вещей места не осталось. А кто поедет в деревню без вещей? Никто не поедет. Дешёвые городские продукты надо везти с собой? Надо. Запасные

части, разный ширпотреб и всякую мелочь вплоть до рыболовных крючков – всё надо везти из города. Люди сели и стали рассовывать свои вещи в самые невероятные места, а поскольку в хвостовой части ничего размещать не разрешили, пришлось потеснить свои ноги и размещать всё на полу в проходе и под сидениями. Затем уйма времени ушла на то, чтобы отыскать привязные ремни и всех привязать. Только после этого оставшийся на первых порах среди пассажиров второй пилот полез в кабину, балансируя между вещами, как цирковой акробат на натянутой проволоке. Он поднимал одну ногу, глазами отыскивал, куда бы её пристроить, втискивая между баулами, затем передвигал вперёд вторую ногу, прочно опёршись ступившей на твёрдое первой ногой. Его руки совершали немыслимые движения, ища опору на стенах пассажирской кабины и на потолке. Он улыбался... Он при этом ещё и улыбался, пытаясь создать хорошее настроение для пассажиров.

Интересно было только Светланке. Она заглядывала в мутное окно, удивляясь и радуясь всему, что могла там разглядеть. На Люсины наставления она не обращала никакого внимания. Когда пилоты запустили двигатель, она стала смотреть на пилотов, разглядывая диковинные рычаги и приборы. Дядю Сашу, молодого второго пилота, она запомнила ещё в пассажирской кабине, когда он преодолевал препятствия из вещей, проходя мимо её. А у командира самолёта, пожилого и рыжеватого, услышала только имя Володя,

когда второй пилот назвал его по имени.

Двигатель, набирая обороты, урчал так, что разговаривать стало бессмысленно, а Светланка радовалась, что никто ей не делает замечания.

Пейзаж за окном стронулся с места и стал уплывать в сторону хвоста самолёта.

– Мы так и поедём? – на всякий случай, перекрикивая шум двигателя, прямо в ухо бабушке Люсе спросила Светланка.

– Мы не поедём, а полетим, – наклонившись к ней, ответила тётя Люся, – Жди.

Когда самолёт оторвался от полосы и стал набирать высоту, Светланкиному восторгу не было предела. Она то и дело отрывалась от окна и, поглядывая на людей, не понимала, как это они не замечают такой красоты, забравшись на высоту птичьего полёта. Внизу проплывали игрушечные домишки, какие-то узенькие тропки с игрушечными машинами, огромная река с настоящими пароходами. Затем появился лес с проплешинами болот и какие-то блестящие на солнце лужи. Девочка даже не поняла, что это настоящие большие озёра с замёрзшим прозрачным льдом. Далее пейзаж стал однообразным и нудным. Стало меньше леса, а земля казалась ржавой и ровной, как столешница.

Насмотревшись в окно, Светланка заметила, что пилоты ничего не делают, а только сидят и держаться, чтобы не упасть, за какие-то загнутые рогульки перед собой. «Им на-

верно страшно сидеть впереди всех», – подумала девочка. А ещё она подумала, что у лётчиков хорошая работа – они сидят и ничего не делают, как на отдыхе. От бесконечного раскачивания её стало мутить.

Люся это заметила и дала ей в руки плотный бумажный пакет.

Через час полёта Светланка сомкнула веки и уснула. Остальные пассажиры также дремали или просто сидели, сомкнув веки и думая свои тягучие думы. Только Василий поглядывал в окно и иногда на часы.

Звук двигателя несколько сменился. Зашевелились и пилоты, что-то сообщая друг другу.

– Леденеет, – сказал Володя второму пилоту, – Добавь температуру карбюратору.

– Я включил полностью, – ответил Саша.

– Что-то она маловата.

– Больше не получается.

– Слышишь, звук изменился, наверняка карбюратор заledenел.

– Я слышу, но ничего сделать не могу.

– Ладно, долетим так, – ответил Володя.

В это время и пропал совсем звук двигателя. Самолёт летел без звука вперёд, а теперь ещё и вниз.

– Здесь садится некуда, – сказал второму пилоту Володя, – Но будем садиться, двигатель заглох.

От тишины проснулась Светланка и сказала:

– Ой, как теперь хорошо, можно разговаривать!

Володя манипулировал рычагами, но двигатель не запустился, а земля, теперь уже стремительно, приближалась. Он направил самолёт на край озера у берега, где, он знал по предыдущим полётам, имеется довольно широкая прибрежная отмель. Перед самым приземлением он задрал нос у самолёта вверх, погасив поступательную скорость.

Шасси коснулись поверхности льда, который, не выдержав тяжести свалившегося с неба груза, проломился. Хвост самолёта начал задираться кверху и тут же шлёпнулся обратно, поскольку шасси льдом срезало, а плоскости, имея большую площадь опоры, заскользили по поверхности льда. Что-то скрежетало, хлопало, скрипело и отрывалось, издавая не очень приятные звуки. Пассажиров сильно тянуло вперёд, а Василий, отвязавшись во время полёта, полетел вперёд по проходу на деревянные посылочные ящики.

Когда всё стихло, командир самолёта, обернувшись назад, спросил:

– Все живы?

– Пока живы, но не знаем на том мы свете или на этом, – ответил Африка, выпутываясь из объятий привязного ремня, который никак не хотел его отпускать, впившись в нижнюю часть живота.

– Дед, если можешь, выйди на лёд и оцени его толщину, – крикнул Володя, – В самолёте находиться нельзя, надо выходить на лёд и уходить или уползать с озера на берег. Дви-

гатель уже погружается вниз. Я помогу напарнику, он ранен.

Все зашевелились, но Африка тут же скомандовал:

– Сидеть и не шевелиться, едри его вошь! Володя и Валера пойдёте со мной. Остальным отвязаться от ремней и ждать команду.

– Мы прилетели? – спросила Люсю Светланка.

– Пока посиди, всё скажут, – ответила Люся.

Африка, открыв дверь самолёта, мгновенно оценил обстановку. Лёд имел толщину три-четыре сантиметра – это видно по отколовшимся льдинкам. Он осторожно вышел на лёд у входной двери, на всякий случай поприседал и потопал, велел мужчинам готовить пассажиров к выходу с интервалом друг от друга десять метров по одному человеку.

– Я пойду первым, а остальные пусть идут следом по моим следам к берегу без вещей, а я дойду до берега и вернусь. Вещи потом перетаскаем. Строго следите за интервалом и оберегайте каждого человека от случайностей, – наказал он мужчинам.

По своему многолетнему опыту, Алексей Аркадьевич знал, что лёд такой толщины по теории считается слишком тонким, но он спокойно выдерживает вес человека, если соблюдать меры предосторожности. Теория-теорией, а практика требует совсем другое, не предусмотренное никакой теорией.

Ему пилот Володя протянул металлическую самолётную палку с каким-то набалдашником на конце:

– Возьми, поскольку ты пойдёшь первый. Палка хоть и не очень удобная, но стучать по льду и проверять его прочность можно.

Африка ушёл, а мужики стали выпускать остальных пассажиров, следуя наставлениям Алексея Аркадьевича, строго по одному и с интервалом. Им помогал командир самолёта, который выпутал с педальных ремней ушибленную ногу своего напарника и вытащил его из кабины.

– А мужик на посылках лежит, не шевелится и не разговаривает, только хлопает глазами, – сказал напарнику Володя, – Мы его пока не задеваем, займёмся им, когда выпустим остальных, идти сможешь? – спросил он у второго пилота.

– Могу прыгать на одной ноге.

– Тогда жди, прыгать нельзя совсем, женщин выпустим, потом тебе поможем.

Африка вернулся быстро.

– До самого берега лёд прочный, – сообщил он, – Теперь вы, мужики, идите с вещами помогать женщинам, а мы займёмся ранеными, а потом вы снова вернётесь за другими вещами.

– Пусть возьмут топор, – сказал командир Африке, – У нас он есть, сейчас подам.

Он передал топор и тяжёлый железный ящик.

– Это продукты, – пояснил Володя.

Когда в самолёте остались члены экипажа и Василий, Африка сказал:

– Теперь посмотрим, что с Василием, он пока не встаёт и не шевелится, а, с другой стороны, ни на что не жалуется, как добропорядочный гражданин.

Он долго осматривал Василия, а тот водил глазами следом за его руками, но ничего не говорил.

– Ты живой или нет? – спросил Африка, сделав вывод, что человек в сознании и его слышит.

Василий закрыл глаза и открыл.

– Он меня слышит, но не говорит, – сообщил Африка экипажу, – Какой-то квёлый, шевелит только одной рукой. Но я уверен, что он на этом свете вместе с нами и всё понимает.

– У нас есть чехол от двигателя, – сказал Володя, – Давай его переложим на чехол, а потом вытащим наружу, затем соорудим из лыж салазки и можно будет Василия тащить. Лыжи у нас тоже имеются.

– Так и сделаем, – подтвердил Африка, – Я пока размышлял, ты всё расставил по полочкам, не зря тебя Бог определил быть лётчиком!

Вернувшиеся рыбаки Володька и Валерка помогли осторожно вытащить Василия из самолёта.

– Тащите его на берег, только аккуратно, – попросил их Африка, – А у нас тут есть ещё один раненый. Двигатель уже наполовину ушёл в воду, надо поторапливаться.

Ехать к берегу пассажир никак не хотел. Он что-то мычал-храпел и пытался показывать шевелящейся рукой на самолёт.

– У него голова не съехала? – спросил вслух Валерка и повернулся к Василию, – Ты не беспокойся из самолёта всё достанем и твои вещи тоже.

Африка сообразил принести рюкзак пассажира, заприметив его ещё в аэровокзале. Василий продолжал шевелить ручкой, а когда рюкзак очутился возле него, он стал указывать на него пальцем.

– Мы сейчас увезём тебя, а потом принесём вещи, – сказал ему Валерка.

Василий упорно держал свой указательный палец на рюкзаке. Рюкзак у него бесцеремонно отняли, положив на лёд, а самого поволокли к берегу. Лёд, как живой, прогибался под тремя людьми, идущими на небольшом расстоянии друг от друга. Сообразительный Володя велел привязать к салазкам грузовую верёвку, чтобы идти не вместе всей кучей.

– Никто твой рюкзак не съест, – демонстративно громко повторил Валерка, – Сказал – принесём вещи, значит, принесём.

Втроём они передвигались значительно медленнее, осторожно передвигая лыжи с поклажей, чтобы ненароком не ударить больного, но лыжи по льду скользили прекрасно без вынужденных остановок.

Африку заинтересовал рюкзак Василия. «Что там такого, что он никак с ним не хочет расстаться?», – подумал он. Африка, развязав шнурок, заглянул внутрь, но ничего, кроме обычных дорожных вещей не обнаружил. Ещё он увидел ка-

кой-то свёрток и решил его развернуть.

Из тряпицы сверкнул необычайной красоты камень, отличавший сверху голубизной.

«Так вот почему он показывал на рюкзак!» – подумал дед, а ещё он мгновенно вспомнил то, что вычитал в газете, – «Таких совпадений не бывает!», – воскликнул мысленно Африка, – «Не успел прочитать про алмаз, как вот он, во всём величии передо мной! Это что-то невероятное! Утерянный алмаз оказался в обыкновенном рюкзаке обыкновенного пассажира на Крайнем Севере в примитивной жизненной ситуации. Всякого я повидал в жизни, но такое со мной случилось впервые, даже падение самолёта кажется каким-то обычным и повседневным, как авария автомобиля на дороге!»

Африка и сам не заметил, как оставил рюкзак на льду, а с алмазом, завёрнутым частично в тряпицу, пошёл в направлении двигателя самолёта, не отрывая взгляда от камня, словно замороженный. Машинальные свои действия он сейчас не оценивал и не осознавал, словно камень его мгновенно заколдовал. Он дошёл до участка, залитого водой. Нога тут же скользнула по льду. Дед, очнувшись, неловко повернулся, взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие. Камень выскользнул из тряпицы и плюхнулся в воду, скатившись в пролом во льду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.